

В. А. Лётин

Место усадебного храма в иеротопическом пространстве

В статье усадебный храм рассматривается не только как доминанта духовной жизни человека, но как важная составляющая иеротопического пространства. Место храма в усадебном универсуме двойственно: часть усадебного микрокосма и часть культурного ландшафта. В этих качествах храм активно взаимодействует и с различными объектами, вне усадебного ансамбля, соотносясь с ними композиционно и символически. Он присоединяется к общему иеротопическому пространству, символически рифмуясь с другим храмом, монастырем, городом.

Ключевые слова: храм, иеротопия, сакральный усадебный универсум, религиозное сознание, символика пространства, символическая программа.

V. A. Liotin

Farmstead Temple's Place in a Hierotopic Space

In the article a farmstead temple is considered to be a dominant not only of a spiritual human life, but also as an important component of a hierotopic space. The temple's place in a farmstead universum has a double meaning: a part of a farmstead microcosmo and a part of a cultural landscape. In these qualities the temple actively cooperates with different objects, out of the farmstead ensemble, corresponding with them in a composite and symbolic ways. It joins the general hierotopic space, symbolically rhyming with another temple, a monastery, a city.

Keywords: a temple, hierotopy, a sacral farmstead universum, religious consciousness, space symbolism, a symbolical programme.

В культуре XVII–XIX вв. храм занимал одну из ключевых позиций. Его место, определенное спецификой религиозного сознания, как доминанта духовной жизни человека долгое время оставалось незабываемым. В отличие от приходских городских (в большей степени) и сельских храмов (в меньшей), чье центральное местоположение в историко-культурном пространстве было обусловлено традицией, а алтарные посвящения продиктованы политической или церковной конъюнктурой, вотчинные/усадебные храмы несут печать и личных амбиций храмоздателей. В их алтарных посвящениях, архитектурных формах, в образной системе декоративного решения интерьера проявляются не только общие, характерные для конкретной эпохи тенденции храмоздания, но и мировоззренческие установки конкретного человека, что делает каждый такой проект явлением уникальным. Вполне естественно, что в таком случае и выбор места для строительства храма и освящения его алтарей будет носить отнюдь не случайный характер.

Более того, зачастую именно посвящение сооруженного в усадьбе храма проявляло символику места его возведения, а зачастую и определя-

ло место «частного» храма в обширном иеротопическом пространстве. Этот факт обнаруживает исключительный характер храма в контексте архитектурно-паркового ансамбля усадьбы. Ведь сам усадебный комплекс всегда тяготел к замкнутости и непроницаемости для посторонних, что проявлялось в акцентировании его границ рукотворными (заборы, стены, валы, каскады прудов, живая изгородь) и ландшафтными (реки) объектами.

Храм же, становясь доминантой ландшафта, визуально преодолевал границу усадебной территории, доминируя над пространством более масштабным. Его потенциальная включенность в сакральную программу превращала автономную территорию усадьбы в часть символической картины мира.

Основываясь на проанализированном эмпирическом материале (данные натурных обследований территорий бывших усадеб, планы и живописные изображения усадебных ансамблей) и ряде работ, посвященных осмыслению иеротопического пространства [1], мы рассматриваем здесь основные способы включения храма в сакральные ландшафты.

Самым простым и наиболее распространенным способом интегрирования усадебного храма в окружающий историко-культурный и природный контексты является его *визуальное доминирование*. И в этом случае усадебный храм вписывается в традицию городского и сельского храмоздательства. Усадебные храмы, как и городские, сельские, строятся на возвышенности (холм, крутой берег реки) и также выполняют функцию ориентиров-маяков. При этом они ставятся так, чтобы дорога, будь то проезжий тракт или подъездная аллея, оказывается сориентированной на его объем. Тем самым создается впечатление дороги, ведущей именно к храму, чем подчеркивается не только пространственное, но и семантическое доминирование храма в данном контексте. Соответственно, и место для храма выбиралось так, чтобы он как можно дольше оставался видовой точкой «дорожной» перспективы. В результате чего дорога, ведущая к храму (или от него), приобретала философско-символическое значение пути жизни [2].

В качестве примера храмов, ставших визуальными доминантами на участках больших трасс, можно привести Вознесенскую церковь в подмосковной усадьбе кн. Голицыных – Дубровицах (1690–1703, построена при кн. Б. А. Голицыне); Троицкую церковь в Гусь-Железном при усадьбе Баташовых (первая половина XIX в., Касимовский район, Рязанская обл.), Воздвиженскую церковь в усадьбе кн. Щербатовых (кон. XVIII в., Ярославская область, Ярославский р-н, пос. Кормилицыно).

Храмы, замыкающие перспективы подъездных дорог к усадьбам, – это храм Казанской иконы Богородицы в усадьбе Узкое (1697 г., построен при Н. Т. Стрешневе); Спасский храм в усадьбе Лютово дворян Свечиных (1840-е гг., Ярославский район, Ярославская область), Знаменская церковь в селе Знаменском дворян Тютчевых (Угличский район, Ярославская область).

Данные примеры показывают и широту применяемого приема: подмосковные и провинциальные усадьбы, и долгий срок его существования в культуре: от возникновения первых усадеб европейского типа в конце XVII в. до первой половины XIX в. – времени расцвета усадебной культуры.

Но, как уже говорилось выше, храм мог вступать не только в визуальный диалог с окружающим ландшафтом. Он мог и символически соотноситься с другими архитектурными объектами и культового, и гражданского характера, распо-

ложенными как в непосредственной близости, так и на значительных расстояниях от него.

В связи с этим нами было выявлено три способа включения усадебных храмов в общие сакральные программы: *храм – город; храм – монастырь; храм – храм*.

Храм – город

Усадебный храм (как часть общего иеротопического пространства), вступающий в символический диалог с городом, можно рассмотреть на примере Вознесенской церкви царского села Коломенского и московского Кремля. Как показано в работе В. В. Зуйкова «Иерусалимская идея в Москве конца XV – начала XVI в. и церковь Вознесения Господня в Коломенском» [3], эти объекты являлись символическими элементами «московской» проекции Святой земли и наделялись соответствующими значениями. Кремль означал непосредственно Иерусалим. Его сакральным центром осмысливался Успенский собор. Связь кремлевского Успенского собора с иерусалимским Храмом над Гробом Господним являлась основной идеей его символической программы [3, с. 135]. В частности, закладка храма состоялась 30 апреля в день памяти Св. Иакова Завидеева, первого из апостолов, принявшего мученическую смерть в Иерусалиме (44 г. до н. э.).

Коломенскому в этом иеротопическом «палimpseсте» отводилась роль подмосковного Елеона. Укажем на то, что при этом именно храм Вознесения в Коломенском аккумулирует в себе иеротопические значения, выражая их через специфику своего алтарного посвящения, расположения и архитектурного решения. Высокий берег Москвы-реки ассоциировался с горой Елеон, где, собственно, и произошло Вознесение Христа. Идея Вознесения подчеркивалась устремленностью вверх композиционного решения храма. Также особенностью его решения является отсутствие архитектурно выраженной алтарной части. Соответственно, здесь нет традиционного деления пространства храма на мир земной и мир горний. В. В. Зуйков объясняет это спецификой посвящения храма: «...ибо Вознесение толкуется как событие, соединившее небо и землю и уничтожившее границу, преграду между двумя мирами» [3, с. 141]. Сама же шатровая форма храма, характерная для на престольных сеней, маркировавших сакральное пространство, превращает все здание в гигантскую сень, храм-киворий. Став такой доминантой ландшафта, рассчитанный на восприятие издали (от Крем-

ля!) храм превращается из места поклонения в объект поклонения.

Данный опыт иеротопического осмысления пространства носил государственный характер, инициировался и курировался иерархами как светскими (Великие князья Московские Иван III и Василий III), так и церковными (митрополит Филипп I; Иосиф Волоцкий). Однако впоследствии с постройкой на Красной площади Покровского собора (1555–1561) «иерусалимское» сакральное пространство Москвы было перекодировано и локализовано в пределах города [4]. Символическая связь сакрального центра города с Коломенским была утрачена. В царствование последующей династии иеротопические коннотации в Коломенском будут восстановлены, прежде всего, благодаря строительству деревянного дворца царя Алексея Михайловича (1667–1572, С. Петров) вся усадьба с Дворцом царя Алексея Михайловича и Вознесенским храмом символически осмысливается как иерусалимский текст. Правда, акцент в нем будет сделан не на храм, а на дворец, «воспроизводивший» иерусалимский дворец царя Соломона.

Сам храм Вознесения и другие постройки Рюриковичей-Калитичей в данном контексте обыгрывались уже как часть иной программы, целью которой была репрезентация легитимности новой династии. «Обживая» усадьбы своих предшественников, Романовы тем самым демонстрировали идею духовного родства с ними и преемственности их дел [5]. При этом символическая программа усадебных универсумов подвергалась соответствующей перекодировке. Так, новый иерусалимский текст, созданный ими в Коломенском, оказался локализованным исключительно внутри границ усадьбы. Смысловый акцент был перенесен с иеротопического осмысления пространства на сакрализацию персоны царя. В результате смысловым и сакральным центром усадьбы оказывается не храм, а дворец, построенный при царе Алексее Михайловиче, как подобие иерусалимского же дворца царя Соломона Великого и наделенный соответствующей космогонической и сакральной символикой.

Храм – монастырь

Диалог усадебного храма с монастырем, отразившийся и в выборе посвящения, и в расположении храма в пространстве можно проиллюстрировать Сергиевской церковью (1690–1694, с 1771 г. приходская, с 1991 г. освящена в честь Св. Сергия

Радонежского) в Коньково – подмосковной усадьбе окольничего С. Ф. Толочанова [6].

Посвящение и, что для нас представляет особый интерес, расположение этого храма в пространстве местное предание связывает непосредственно с личностью Св. Сергия Радонежского. Из него следует, что святитель для своей отшельнической жизни изначально облюбовал место близ села Серино и какое-то время даже молился там. Однако же, получив откровение свыше о грядущем в скором времени многолюдии этих территорий, он отправился еще дальше от мирской суеты в район горы Моковец, где впоследствии и возникла знаменитая Троице-Сергиева Лавра. Именно на нее и был сориентирован алтарь храма, обращенный на северо-восток. Так, связь этого места с именем святого не только воплощается в храме, ему посвященном, но и находит пространственное подтверждение.

Храм – храм

Показательным в данном контексте является также относящийся к XVII столетию проект, реализованный с помощью усадебных храмов в окрестностях Ярославля. Мы выдвигаем гипотезу об использовании храмов, в данном случае вотчинных/усадебных, как талисманов-оберегов для сакрального городского пространства. При изучении «географии» усадеб/вотчин этого времени вокруг Ярославля мы верифицировали определенную закономерность: землевладения находились в руках трех семей, члены которых в силу родства или службы были связаны с царствующими домами, а возводимые ими храмы появляются в непосредственной близости от дорог, имеющих важное стратегическое значение.

Самый первый из них был построен в селе Сарафоновом (1600) – вотчине Долгово-Сабуровых вблизи Углической дороги; второй – окольничим А. И. Чириковым в вотчине Аристово (1681) вблизи Старой костромской дороги; третий – окольничим же С. Ф. Толочановым в вотчинном владении в Закоторосльном стане, близ села Богородское вблизи Старой московской дороги [7]. Все три храма имеют алтари, освященные в честь Казанской иконы Богоматери. В сарафоновском и богородском храмах – это главные алтари, в аристовском – придел.

Возведение каменного храма в собственной вотчине долгое время было прерогативой первых лиц государства. Однако в XVII в. эта традиция слабеет. «Собственный» каменный храм стано-

вится важным моментом репрезентации частного лица, подчеркивая его статус, социальные амбиции. Для человека XVII столетия обретает значимость осознание себя как исторической личности, причастной важным государственным событиям [8]. В храмоздательной практике эта тенденция находит выражение в посвящениях усадебных как городских, так и вотчинных храмов актуальным святыням. Появление первых деревянных храмов на этих местах можно связать с царствованием Иоанна IV – временем присоединения Казанского ханства к Московскому царству и обретения святыни. Их перестройка в камне связана с ростом самосознания вотчинников как «государевых людей», а в случае двух более поздних строителей еще и с утверждением Казанской иконы Богородицы в статусе государственной святыни, покровительствующей новому царскому дому.

Мы полагаем, что частная инициатива строительства Казанских храмов в непосредственной близости от важных стратегических направлений была связана не только с репрезентацией ктиторов, но носила программный характер, поощряемый митрополией. Об этом свидетельствует разработка занимавшим в это время митрополичий престол Ионой Сысоевичем программы храмоздательной деятельности на Русском Севере и освящение им ряда храмов Ярославщины.

Первый каменный храм под Ярославлем возводится в вотчинном имении Сарафонове бояр Долгово-Сабуровых. Бояре имели на это полное право, так как находились в родстве с царским домом Рюриковичей-Калитичей через жен Великого князя Василия III (Соломония Сабурова, ок. 1490–1542) и царевича Иоанна Иоанновича (Евдокия Сабурова, ум. 1614 или 1619/1620). Однако на момент строительства храма в ярославской вотчине (1600–1601) на Московском престоле царствовал Борис Федорович Годунов. Родство же Сабуровых с Годуновыми было более тесным (и – самое главное – кровным), нежели с Рюриковичами-Калитичами, поскольку они вели начало от общего предка – мурзы Чета/Захария. Таким образом, строительство каменного храма в их резиденции было вполне закономерным актом репрезентативного характера, знаменовавшим близость древней фамилии и старому и, что наиболее актуально, новому царским домам.

Второй прецедент каменного храмостроения в окрестностях Ярославля происходит через 80 лет на территории вотчинных владений уже царских служилых людей – окольничих. По сути, данные

храмы – исключительное явление в архитектуре окрестностей Ярославля XVII столетия. В связи с данным обстоятельством напомним, что именно в это время город переживал строительный бум в области каменного храмостроения – формировалась ярославская архитектурная школа. Основная масса ярославских храмов возводилась на территории купеческих усадеб или в торговых и ремесленных слободах. На этом фоне строительство только двух каменных храмов в дворянских вотчинах весьма показательно. Исключительность каменных храмов за пределами города подчеркивалась и статусом храмоздателя и, как это было в случае с богородским храмом, освящением самим Ионой Сысоевичем – митрополитом Ростовским и Ярославским.

В результате возведения этих вотчинных храмов, имевших практически алогичные посвящения и ставших доминантами ландшафта вокруг города на основных стратегических направлениях, можно предположить наличие единой символической программы, в которую они были включены. Вполне вероятно, что инициатором этой программы стал митрополит Иона Сысоевич, сумевший «обыграть» сложившийся историко-культурный контекст, разрешив строительство каменных храмов, что позволило проявить необходимую идею. Благодаря этому вотчинные храмы окольничих Чирикова и Толочанова, царских родственников Долгово-Сабуровых не только репрезентировали причастность ктиторов к высшим ступеням власти, но и выполняли более высокую миссию «государственного» значения. С учетом специфики «сферы влияния» образа Казанской иконы Богородицы – талисмана от врагов как реальных, так и inferнальных, можно предположить, что их посвящения должны были защищать подступы к городу. Ярославль же благодаря амбициозным вотчинникам получал сакральную защиту от внешнего врага.

Итак, включение усадебных храмов в иеротопическое пространство было характерно для раннего этапа формирования усадебной культуры в XVI–XVII вв. Религиозное сознание, присутствующее человеку этого времени, дифференцировало земные границы и единство сакрального пространства. Благодаря этому локальные землевладения вписывались в сакральный ландшафт, становясь его органической частью. Однако впоследствии, несмотря на доминирование храма в ландшафте, его символическое значение локализуется исключительно в усадебном пространстве. Ощущение сакральной целостности мироздания

уступает место ее дискретным проявлениям. Символические программы, в которые будет включаться храм, окажутся локализованными пространством архитектурно-паркового ансамбля, реже села. В связи с этим символика архитектурных форм, декоративного убранства и алтарных посвящений приобретет явный «личностный» акцент, выражая специфику мировоззренческих установок или причастность ктитора к актуальным политическим событиям.

Примечания

1. Лидов, А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид художественного творчества [Текст] / А. М. Лидов // РусАрх. Электронная научная библиотека по древнерусской архитектуре. Электронный ресурс. <http://www.rusarch.ru/lidov2.htm>. Проверено 25.05.2011.

2. Исупов, К. К. Космос русского самосознания. Путь [Текст] / К. К. Исупов // Общество. Среда. Развитие. – 2010. – № 2. – С. 243–245.

3. Зуйков, В. В. Иерусалимская идея в Москве конца XV – начала XVI века и церковь Вознесения Господня в Коломенском [Текст] / В. В. Зуйков // Коломенское : материалы и исследования. Выпуск 8. – М., 2004. – С. 131–148.

4. Мокеев, Г. Я. Небесный град Святой Руси [Текст] / Г. Я. Мокеев. – М. : ИИПК «Ихтиос», 2007. – 256 с.

5. Дворец царя Алексея Михайловича. Официальный сайт Московского государственного объединенного художественного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника. Электронный ресурс. http://www.mgomz.ru/default.asp?ob_no=2732. Проверено 1.06.2011.

6. Храм Живоначальной Троицы в Конькове. Электронный ресурс. <http://trinity.kmail.ru/history.html>. Проверено 1.06.2011.

7. Тычино, Н. Чириков, Андрей Иванович [Текст] // Большая биографическая энциклопедия. Электронный ресурс. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/. Проверено 1.06.2011.

8. Бусева-Давыдова, И. Л. О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII веке [Текст] / И. Л. Бусева-Давыдова // Архитектурное наследство. – М., 1988. – № 36. – С. 43–53.

9. Подробнее см. Лётин, В. А. Семантика храма в пространстве дворянской усадьбы XVII – XVIII вв.: церковь Казанской иконы Богородицы в Ярославской усадьбе Карабиха Толочановых – кн. Голицыных [Текст] / В. А. Лётин // Русская усадьба XVIII – начала XXI в. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации : материалы научной конференции, Ярославль, 2–3 июля 2009 года / Государственный литературно-мемориальный музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха». – Ярославль, 2009. – С. 32–41.